

Михаил Ярошевский

ЛЕВ СЕМЕНОВИЧ ВЫГОТСКИЙ: ТРАГЕДИЯ И ТРИУМФ*

Окончив гимназию в провинциальном белорусском городке Гомеле и получив золотую медаль, юноша Выготский решил поступать в Московский университет. Ему повезло, он попал в «процентную норму» для лиц еврейского происхождения. Перед этой категорией молодых людей выбор факультетов был невелик. Надо было думать о будущем. Наиболее реальные перспективы на профессиональную работу сулила специальность либо врача, либо юриста.

Лев Семенович поступил на юридический факультет. Он окончил его в год великого переворота, в 1917 г., после чего вернулся в родной Гомель.

Наряду с государственным университетом он посещал занятия в учебном заведении особого типа, созданном на средства либерального деятеля народного образования А.Л. Шанявского.

Это был народный университет, без всяких прав и дипломов, без зачетов и экзаменов, без обязательных курсов и посещений, где мог обучаться всякий желающий.

В Университете им. Шанявского Выготский сблизился с либерально настроенной молодежью, а его ментором стал известный критик Ю. Айхенвальд. Увлечение литературной критикой отличало его в эти годы, и Выготский не без влияния Айхенвальда сближается со сторонниками импрессионистского искусства как направления, трактовавшего «игру и цветение духа».

Начало пути Выготского в эстетике падает на предреволюционные годы. Его интересы имели резко выраженную гуманитарную направленность. Любимые поэты – Пушкин и Блок, в творчестве которых его захватывали не светлые, лирические, а трагические мотивы. Отсюда обостренный интерес к «Маленьким трагедиям» Пушкина («Пир во время чумы» и «Моцарт и Сальери»), к тем произведениям Блока, где речь шла не о любви к Прекрасной даме, а о личности, обреченной нести свой крест в «страшном мире». И главный объект напряженных раздумий – «Гамлет». Бессчетное количество раз он вчитывается в каждую строфу великого шекспировского создания, погружается в море критической литературы, неустанно делает собственные заметки. И когда в 18 лет он заканчивает свое первое исследование «Трагедия о Гамлете, принце датском», то сопровождает его примечанием о том, что оно возникло «из бесчисленного множества заметок, сделанных за много времени в процессе постоянного чтения, о “Гамлете” и размышления о нем в течение нескольких лет».

---

* Печатается с любезного согласия Виталия Владимировича Рубцова: *Ярошевский М.Г. Лев Семенович Выготский. Трагедия и триумф // Выдающиеся психологи Москвы / под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Ярошевского. – М., 1997. – С. 233–242.*

Будучи студентом юридического факультета, он печатает в «Летописи» А.М. Горького этюды о новом театре и романах Белого, в других изданиях – о «Гамлете», Вяч. Иванове и др.

В 1916 г. он завершил большую рукопись о «Гамлете». Творение Шекспира оценивалось тогда как «мистическая трагедия», построенная на «изначальной скорби бытия»*. Если обычно трагическое трактуется как роковое столкновение человеческой воли с противодействующими ей внешними и внутренними силами, как ужасная связь лиц, поступки которых определены либо роком, либо характером героев, то «Гамлет», согласно Выготскому, «начинается там, где кончается трагедия»**. Это шекспировское произведение, полагал он, более чем какое-либо другое обнажает истинную причину трагического состояния. Она сводится к «бесконечной, вечной отъединенности Я, к тому, что каждый из нас бесконечно одинок»***. Таково, по Выготскому, заданное трагедией переживание человеком своего бытия в мире. За внешними движениями, словами, событиями, за противоборством действующих лиц, всей этой мирской суетой скрыт второй, «нездешний» смысл. Эти строки писались в канун революции и отражали умонастроения того социального круга, который в предчувствии «неслыханных перемен, невиданных мятежей» (Блок) метался, ища опору в ценностях за пределами земного. В картинах реальности, представляемых искусством, жадно ловили намеки на иной мир, где личность будет спасена от «вечной, бесконечной отъединенности», или, говоря словами Выготского, здесь «искусство кончилось, началась религия»****.

В эти же студенческие годы у него пробуждается интерес к психологии. Первые книги из этой области, о которых мы с достоверностью знаем, что они были им прочитаны, – это известный трактат А.А. Потебни «Мысль и язык» и книга У. Джемса «Многообразие религиозного опыта». Сам Выготский в официальной справке о своей научно-исследовательской работе записал: «Начал заниматься исследовательской работой в 1917 г., по окончании университета. Организовал психологический кабинет при педтехникуме, где вел исследования».

Очевидно, что это относилось к гомельскому периоду (1917–1923). Это были годы коренной ломки прежней социальной системы, годы преобразования всей былой духовной атмосферы. Работая вне главных психологических центров Петрограда и Москвы, Выготский глубоко приобщился к происходившим в столицах процессам, вынашивая собственный подход к проблемам, которые находились в центре дискуссий стремительно обновлявшегося в стране научного сообщества. Он становится одним из активных участников строительства новой, советской школы, остро осознающим потребность в том, чтобы самому активно участвовать в просвещении народа, в воспитании строителей нового общества.

* Выготский Л.С. Психология искусства. – М., 1968. – С. 493.

** Там же. С. 492.

*** Там же. С. 493.

**** Там же. С. 495.

В Гомеле им были написаны две большие рукописи, вскоре привезенные в Москву, – «Педагогическая психология» (вышедшая из печати) и «Психология искусства», защищенная как диссертация, но опубликованная через много лет, а до того ходившая в списках и пользовавшаяся популярностью среди деятелей искусства. Оба произведения дают основания оценить Выготского как зрелого, самостоятельного мыслителя, высокоэрудированного и ищущего новые пути разработки научной психологии в той исторической ситуации, когда психология на Западе охвачена острым кризисом, а в России идеологическое руководство страны требовало внедрить в науки принципы марксизма.

В России в предреволюционный период в научном изучении психики сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, возникли психологические центры (главный из них – Психологический институт при Московском университете), где доминировала отживавшая свой век психология сознания, которая строилась на субъективном методе. С другой стороны, руками русских физиологов была создана наука о поведении, опиравшаяся на объективный метод. Ее исследовательские программы (авторами которых являлись И.П. Павлов и В.М. Бехтерев) позволили изучить закономерность механизма поведения, исходя из тех же принципов, которым следуют все естественные науки. Концепция сознания оценивалась как идеалистическая. Концепция поведения (основанная на условных рефлексах) – как материалистическая. С победой революции, когда государственно-партийные органы потребовали повсеместно истребить идеализм, эти два направления оказались в неравном положении. Рефлексология получала всемерную государственную поддержку, тогда как со сторонниками воззрений, считавшихся чуждыми материализму, расправлялись с помощью различных репрессивных мер. В этой атмосфере Выготский занял своеобразную позицию. Он обвинил повсеместно торжествовавших свою победу рефлексологов в дуализме. Его первоначальный план сводился к тому, чтобы объединить знание о поведении как системе рефлексов с зависимостью этого поведения, когда речь идет о человеке, от сознания, воплощенного в речевых реакциях. Эту идею он положил в основу своего первого программного доклада, с которым выступил в январе 1924 г. в Петрограде на съезде исследователей поведения.

Речь докладчика, «просвещенца» из Гомеля, обратила на себя внимание участников съезда новизной мыслей, логикой изложения, убедительностью аргументов, да и всем своим обликом он выделялся из привычных лиц. Четкость и стройность основных положений доклада не оставляли сомнения, что провинциал хорошо подготовлен к представительному собранию и удачно излагает лежавший перед ним на кафедре текст. Когда же после доклада один из делегатов подошел к Выготскому, то с удивлением увидел, что никакого текста пространного доклада не было. Перед ним лежал чистый лист бумаги. Этим делегатом, пожелавшим выразить восхищение выступлением Выготского, был уже хорошо известный, несмотря на свою молодость, своими экспериментальными работами (которым патронировал сам В.М. Бехтерев) и своими занятиями психоанализом (с ним переписывался сам З. Фрейд), а затем и всемирно извест-

ный психолог Александр Романович Лурия. Впоследствии он писал, что жизнь свою делит на два периода – до встречи с Выготским и после знакомства с ним. Когда Лурия приехал в Петроград, он уже занимал важный административный пост в Психологическом институте. Дело в том, что руководство института было поручено К.Н. Корнилову, сменившему создателя института Г.И. Челпанова, которому как «старорежимному» директору власть не доверяли. Приехавший из Казани Лурия (из-за того, что молодежь, сотрудничавшая с Челпановым, из института ушла) оказался в должности ученого секретаря.

В 1977 г. автор этих строк взял у А.Р. Лурии интервью с просьбой рассказать об этом периоде «перестройки» Психологического института. «Когда я приехал, то, по сути говоря, вокруг него (Корнилова) никого не было. Ходила такая мрачная черная фигура Челпанова, которому оставили кабинет в конце 3-го этажа. Была комната Шпета, где лежало больше бутылок, чем рукописей.

Было три момента перестройки. Первый выражался в переименовании лабораторий и замене наблюдений динамоскопом или какими-то реактологическими методиками. Сюда же относилось и то, что вместо «рефлексология» говорили «реактология», считая, что это ближе к человеку и менее обязывающе в плане обращения к физиологии.

А третьей, самой интересной, была философская перестройка... Эклектика оттолкнула нас от Корнилова. Но это случилось, когда в институт был приглашен Выготский». Лурия не уточняет время, когда взамен корниловской реактологии он переориентировался на замыслы Выготского. Но очевидно, что это произошло не сразу. Лурия совместно с примкнувшим к нему А.Н. Леонтьевым занимался диагностикой эмоциональных состояний у людей, которые могли испытывать стрессы (в том числе с целью выявления виновных лиц из числа подозреваемых в преступлении; то был прообраз «детектора лжи»).

Что же касается Выготского, то он с первых же месяцев своей московской жизни (поселившись в полуподвале Психологического института) весь 1924 год занимался работой в Наркомпросе и зарекомендовал себя как блестящий организатор. С этого периода и до конца дней значительную часть своей творческой энергии он отдавал комплексной науке, непосредственно связанной с практикой обучения и воспитания, – дефектологией. Он видел в этом свой гражданский долг исследователя и педагога-гуманиста. В нашей психологии по уровню философского мышления, по тонкости анализа сложнейших методологических проблем научного познания, притом не только относящихся к непосредственному предмету его профессиональных знаний, не было равного Выготскому ученому. Но удельный вес его общения с философскими и научными текстами был неизмеримо меньше повседневного общения с аномальными, страдающими от различных дефектов детьми. За несколько московских лет перед его глазами прошли многие и многие сотни слепых и глухих детей, маленьких калек (не забудем, что только что закончилась Гражданская война), умственно отсталых. Он непосредственно и повседневно участвовал в бескомпромиссной борьбе за их приобщение к миру культуры в качестве полноправных граждан.

Л.С. Выготский воспитывал новые отряды самоотверженных педагогов-тружеников, с тем чтобы данные психологической науки проникли за стены лабораторий и кабинетов, возвращая к нормальной жизни детские души.

Благодаря Выготскому московский центр стал главным в широко развернувшемся наступлении на аномалии психического развития.

Непостижимо, как удавалось Выготскому совмещать огромную по масштабам организационно-практическую работу в сложнейшей области специальной педагогики с разработкой новаторской теоретической концепции и ее испытанием в различных экспериментальных условиях. При этом следует учесть, что в начале 20-х годов Выготский заболел туберкулезом, который неоднократно укладывал его в постель. Именно тогда он успевал лихорадочно работать над своими методологическими и стратегическими трудами, большинство из которых, к сожалению, остались незавершенными и были опубликованы спустя много лет.

Творческий путь Выготского уникален. Он пришел в психологию в годы великих социальных и научных потрясений. От пронизанных трагизмом раздумий людей Серебряного века русской культуры по поводу «гамлетовских» исканий вины бытия человека в мире он перешел к внутренней революцией в России идее «выращивания» средствами точной экспериментальной науки «сверхчеловека» (термин, примененный Выготским), способного созидать новый социальный мир. Выготский проникается уверенностью, что для этого нужно выйти на проложенный русскими исследователями (Сеченовым, Павловым, Бехтеревым, Н.Н. Ланге, Ухтомским и др.) особый путь объяснения детерминации и развития системы «организм – среда». Именно в России был открыт особый уровень истории этой системы, получивший имя «поведение». На этом уровне работал Выготский в первую эпоху своего творчества, трактуя все психические процессы как формы поведения. Специфика детерминации этого уровня (запечатленная в понятиях об условном рефлексе, сигнале, торможении, доминанте и др.) была осмыслена им как основание новой, объективной психологии. Учение о поведении (об условных рефлексах) Выготский считал фундаментальным разделом психологии, а не физиологии, замечая, что по фундаменту еще нельзя судить, что на нем будет выстроено: харчевня или химическая лаборатория. Вслед за констатацией «кризиса субъективизма» Выготский констатирует «кризис объективизма». Исторический смысл грянувшего в середине 20-х годов психологического кризиса (под таким именем он написал свой главный методологический трактат) Выготский усматривает не в самом по себе распаде психологии на различные не совместимые по парадигмальным основаниям школы, а в том, что назрела историческая потребность в создании особой «общей психологии» как методологической дисциплины, предметом которой являются инвариантные формы любых психологических типов поведения. К сожалению, этот великий замысел он не смог реализовать. Все дальнейшие шаги Выготского на пути создания новой психологии стали возможны благодаря полемике с ведущими представителями западной психологии. Выготский был гениальным оппонентом. Его оппонентный круг (то есть круг значимых других исследователей, в полемике

с которыми он вырабатывал собственные решения) по широте, энергии и содержательности не имел равных в мировой психологии. Достаточно назвать имена Фрейда, Торндайка, Бинсвангера, Штерна, К. Бюлера, Коффки, Левина, Аха, Дильтея, Шпрангера, Пиаже, чтобы, обратившись к полемике Выготского с ними, увидеть, как «на перекрестке» русской и западной психологии складывалась система воззрений Л.С. Выготского на поведение и его психическую регуляцию.

Вспышка туберкулеза, как сказано ранее, несколько раз выводила Льва Семеновича из строя. Врачи запретили ему работать и назначили санаторное лечение. Не имея возможности ни непосредственно участвовать в работе института, ни читать лекций, Выготский обобщает свой прежний опыт преподавания художественной литературы в серии очерков, объединенных под названием «Психология искусства». Здесь дается интереснейший анализ катарсиса как особого личностного эффекта, производимого художественным творением. Идеи, изложенные в этой работе, получили в дальнейшем резонанс не только в психологии, но и во многих других областях знания: эстетике, филологии, семиотике и даже кибернетике.

В своей социально-психологической теории искусства Выготский дает непревзойденный анализ произведений русских поэтов: Пушкина, Крылова. Он выдвигает положение, согласно которому эстетический эффект достигается столкновением двух мотивов (начало антитезы). Так, например, в известной басне «Стрекоза и Муравей» беззаботно проводшей лето Стрекозе противопоставляется мудрый Муравей. Картина прежнего веселья Стрекозы сталкивается с картинами ее теперешнего несчастья. Этот контраст достигает апогея в заключительной реплике Муравья: «Ты всё пела? Это дело! Так поди же попляши!» Слово «попляши» означает одновременно «веселись» и «погибни».

Искусство Выготский определяет как «социальную технику чувств», подчеркивая этой формулой, что оно создается обществом в целях воздействия посредством определенных, только ему присущих «орудий» на эмоциональную сферу личности. Это воздействие выражается в особой реакции (Выготский пользуется термином Корнилова, который был оппонентом по «Психологии искусства»).

В то же время Выготский вводит понятие эстетического знака как элемента культуры. Обращение к знаковым системам, которые творятся культурой народа и служат посредниками между тем, что обозначается системами знаков, и субъектом (личностью, которая ими оперирует), изменило общий подход Выготского к психическим функциям. Применительно к человеку, в отличие от животных, он рассматривает знаковые системы как средства культурного развития психики. Это глубоко новаторское представление побудило его выделить в кругу психических функций человека высший, знаково-опосредованный уровень их организации.

Знакомясь с марксизмом, он переносит на знаки марксистское учение об орудиях труда. Знаки культуры – это также орудия, но особые – психологические. Орудия труда изменяют вещество природы. Знаки же изменяют не внешний материальный мир, а психику человека. Сперва эти знаки используются в общении между людьми, во внешнем взаимодей-

ствии. А затем этот процесс из внешнего становится внутренним (переход извне вовнутрь был назван интериоризацией). Благодаря этому и происходит «развитие высших психических функций» (под таким названием Выготский написал в 1913 г. новый трактат).

Руководствуясь этой идеей, Выготский и его ученики провели большой цикл исследований развития психики, прежде всего таких ее функций, как память, внимание, мышление. Эти работы вошли в золотой фонд исследований развития психики у детей. В течение ряда лет главная исследовательская программа Выготского и его учеников заключалась в детальном экспериментальном изучении отношений между мышлением и речью. Здесь на передний план выступило значение слова (его содержание, заключенное в нем обобщение). То, как значение слова изменяется в истории народа, давно изучалось лингвистикой. Выготский и его школа, проследив стадии этого изменения, открыли, что это происходит в процессе развития индивидуального сознания. Итоги этой многолетней работы обобщила его монография «Мышление и речь» (1934), которую он, к сожалению, так и не смог увидеть вышедшей из печати, но которая встала на книжную полку каждого психолога во многих странах мира.

Работая над монографией, он одновременно подчеркивал важность изучения мотивов, которые движут мыслью, тех побуждений и переживаний, без которых она не возникает и не развивается.

Этой теме он уделил основное внимание в большом трактате об эмоциях, который опять-таки оставался неопубликованным в течение десятков лет. Следует помнить, что все свои работы, касающиеся развития психики, Выготский непосредственно связывал с задачами воспитания и обучения ребенка. В этой области им был выдвинут целый цикл продуктивных идей, в частности ставшая особенно популярной идея о «зоне ближайшего развития». Выготский настаивал на том, что эффективным является лишь то обучение, которое «забегает вперед развития», как бы тянет его за собой, выявляя возможности ребенка решать при участии педагога задачи, с которыми он самостоятельно справиться не может.

Выготским было обосновано великое множество других новаторских представлений, в дальнейшем развитых его многочисленными учениками.

Несмотря на раннюю смерть (он не дожил до 38 лет), ни один из выдающихся психологов мира не смог обогатить свою науку столь значительно и разносторонне, как Выготский. Ему приходилось повседневно преодолевать множество трудностей, связанных не только с катастрофически ухудшающимся состоянием здоровья, материальными невзгодами (он с женой и маленькими детьми длительное время жил в однокомнатной квартире), но и лишениями, вызванными тем, что ему не предоставлялась достойная работа, а чтобы заработать, приходилось ездить читать лекции в другие города. Ему с трудом удавалось прокормить небольшую семью. Одна из слушательниц его лекций – А.И. Липкина вспоминает, что студенты, чувствуя его величие, удивлялись тому, как он бедно одет. Лекции он читал в изрядно потертом пальто, из-под которого виднелись дешевые брюки, а на ногах (в суровом январе 1934 г.) – легкие туфли. И это у тяжело больного туберкулезом. На его лекции стекались слушатели из многих москов-

ских вузов. Обычно аудитория была переполнена, и лекции слушали, стоя у окон. Прохаживаясь по аудитории, заложив руки за спину, высокий, стройный человек с удивительными лучистыми глазами и нездоровым румянцем на бледных щеках ровным, спокойным голосом, обычно не общаясь со слушателями (которые ловили каждое его слово), знакомил их с новыми воззрениями на психологический мир человека, которые для следующих поколений приобретут ценность классических. К этому нужно добавить, что новаторский, неортодоксальный смысл психологического анализа, который культивировал Выготский, вызывал у «бдительных» идеологов подозрение в отступлении от марксизма.

Один из некогда рьяных рефлексологов – Б.Г. Ананьев – выступил в 1931 г. со статьей, в которой призывал «вывести советскую психологию из истории большевизма и работ Сталина, образующих единственно верный критерий по отношению к истории психологической науки»*, а концепцию Выготского заклеил как «идеологическую ревизию исторического материализма и его конкретизации психологии»**.

В беседе со мной работавшая с Выготским Б.В. Зейгарник сказала: «У Выготского была очень тяжелая жизнь. Он был гениальный человек, создавший советскую психологию. Его не понимали. Он бегал, я помню, как затравленный зверь по комнате и говорил: “Я не могу жить, если партия считает, что я не марксист”. Если хотите, Выготский фактически убил себя или, я так бы сказала: он сделал все, чтобы не жить. Он намеренно не лечился»***.

Можно представить, с какой горечью ему приходилось читать статью бывшего рефлексолога Б.Г. Ананьева, который в 1931 г. призывал «вывести советскую психологию из истории большевизма и работ Сталина, образующих единственно верный критерий по отношению к истории психологической науки», а концепцию Выготского заклеил как «идеологическую ревизию исторического материализма и его конкретизации в психологии».

Печать трагизма лежит на Выготском, его личности, его творчестве. С особой энергией занимался он преобразованием научного знания о человеке и его психической организации. Огромные усилия он приложил для того, чтобы заработали эти знания, непосредственно воздействовали на социальную практику.

Его труды, посвященные детской душе, попали в проскрипционный список запрещенных. С ликвидацией педологии, одним из лидеров которой он был объявлен, они оказались в «спецхране».

Прошли десятки лет, прежде чем он был признан во всем мире величайшим новатором и началось триумфальное шествие его идей. Возвращенные в московских школах и лабораториях, они придали мощный импульс движению научно-психологической мысли как в нашей стране, так и во многих странах мира.

* Ананьев Б.Г. О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии // Психология. – 1931. – № 3–4. – С. 332.

** Там же. С. 342.

*** Вопросы психологии. – 1988. – № 3. – С. 172–179.

Трагична была жизнь этого гения, в основном непонятого при его жизни. Немногое из запечатленного им в летописи наук о человеке он смог увидеть опубликованным, остальное осталось в виде набросков в его рукописях, ставших для следующих поколений классическими.

Выготский сложился как выдающийся мыслитель на почве русской культуры. Он формировался в социокультурной атмосфере Москвы в период, который принято называть Серебряным веком. Уже тогда он впитал различные течения отечественной эстетической, философской и психологической мысли. В теснейшей связи с практикой новой послереволюционной школы он самоотверженно посвятил себя ее строительству, воспитанию нового человека на новых научных началах, открывавших простор ее творческому саморазвитию, человека, освобожденного от стереотипов, формализма, от разрыва между интеллектуальным формированием личности и ее эмоциональной жизнью.

Положение о неразрывной связи мысли и чувства (аффекта), о роли мотивов поведения личности, ее переживаний (так же развивающихся, как и все другие формы душевной жизни) в последний период творчества Выготского переместилось в центр его углубленного анализа человеческой природы.

Когда весной 1934 г. его из-за очередного страшного приступа болезни (кровь хлынула горлом) отвезли в санаторий в Серебряный бор, он взял с собой только одну книгу – любимого шекспировского «Гамлета», заметки к которому служили для него на протяжении многих лет своего рода дневником. В трактате о трагедии он еще в юности записал: «Не решимость, а готовность – таково состояние Гамлета».

По воспоминаниям медсестры, лечившей Выготского, его последними словами были: «Я готов». Это значило: «срок исполнился, час пробил». В отведенный ему срок Выготский исполнил больше любого психолога за всю историю науки о человеке.

Выготский был любимцем передового московского учительства и студенчества, которые восприняли его новаторские идеи, изменившие общий строй воззрений на психику человека, доказавшие ее подчиненность законам культурного развития. Его идеи впитали и работники искусства, и строители многих областей научного знания о человеке как в России, так и за рубежом. И это триумфальное шествие идей великого московского психолога как бы компенсировало его личные трагические переживания.
